

Ради жизни

Сознание возвращалось медленно, заполняясь волнами нарастающей боли по всему телу. Казалось, оно не хочет возвращаться в измученный ранами и ослабевший от них организм, что бы отдохнуть от всего, что пришлось пережить и испытать за предыдущее время жизни.

Больной с усилием приподнял тяжеленные веки и осмотрелся настолько, насколько позволяло боковое зрение.

«Где я?» – появилась первая мысль.

Он попытался вспомнить все, что произошло с ним перед тем, как на сознание опустилась темнота.

Память была пуста... Это удивило и напугало.

«Что это? Почему я ничего не помню? Господи, что со мной?»

Чтобы понять, где находится, он резко повернул голову. Движение мгновенно отзывалось острой болью, которая молнией промчалась по телу, не позволив делать каких-либо других движений. Он охнул, и замер в ожидании ее ослабления.

– Ок ту сино тарази! – воскликнул звонкий незнакомый голос.

Мужчина тут же отметил, что совершенно не понимает языка говорящего.

– Вы меня слышите? – перебил его мысль человек в белом колпаке, вплывший в поле зрения и заставивший своим появлением вздрогнуть.

Он из последних сил кивнул.

– Туэс ок сирап а питаноси уго! – обратился человек к кому-то рядом и сверкнул белозубой улыбкой.

– Литино парго, – ответили ему, и улыбчивый белозубый задал следующий вопрос.

– Как вы себя чувствуете?

«Хреново», – мысленно ответил пациент, боясь пошевелиться, чтобы не испытать новых приступов боли.

– Отдыхайте, – улыбнулся белозубый и добавил: – Немножко терпения, мой друг, чуточку силы воли, стремления и вы поправитесь. А там уж, даст бог, начнете работать.

«Работать? Начну работать? Значит, я где-то работал? Интересно где?» – подумал он и попытался вспомнить, кем и где работал в выпавшем из памяти прошлом.

В голове пустота, как на магнитофонной пленке, с которой стерли все записи.

«Магнитофонная пленка! Что-то знакомое, – он пытался понять смысл услышанного. – Кажется это память, только она вне головы. Понятно, а что ж тогда?»...

Игла шприца колко вошла в руку, прервала мысль и заставила вновь провалиться в темноту.

Он не знал, сколько времени пробыл без сознания и новое понятие – «время», пробежавшее по извилинам, цепко ухватилось за мозг.

«Время, – он понял из этого слова: это то, где он живёт, или жил когда-то. – Возможно это дом... Нет, дом что-то другое, но и в нём тоже живут...»

Белый, чистый, без единой трещины или царапины, потолок, на который приходилось постоянно пялиться, действовал на нервы. Захотелось повернуться на бок, просто пошевелиться, отвернуться от этого чертового потолка, чтобы не видеть его.

Спина гудела и стонала от напряжения.

«Отлежал, – решил он. – Сколько же я так лежу? Наверное, с того дня, как сюда положили».

От этой мысли спина застрадала еще больше.

«Не-ет, так больше невыносимо. Надо попробовать перевернуться, иначе с ума сойду».

Попробовал шевельнуть пальцами и кистями рук – нормально, согнул в локте – то же. В руках боли нет, это хорошо. Затем шевельнул ногами – катит, правда в правой коленке при движении что-то остро кольнуло.

«Ничего, пустяк, перетерпится».

Перевел дух, подождал, пока успокоится взбесившееся от напряжения сердце, и, вложив в движение все силы, попытался повернуться на бок.

– Ок ту сино тарази! – отреагировал на его движение знакомой фразой голос близко стоявшего человека, и кто-то лёгкими шагами поспешил к кровати.

Невероятной силы руки, так ему показалось, положили в прежнее положение. Он попробовал было воспротивиться, но сил хватило лишь на мгновение.

Слабая тень пересекла свет, который исходил откуда-то сбоку, и перед глазами появилось мужское лицо. Лицо было чистое, приятное, можно сказать – холеное, без следов постоянного пользования бритвой, с голубыми, нет, синими глазами.

«Как у ребёнка», – подумал он.

Лицо доброжелательно улыбнулось и заговорило хорошо поставленным голосом, обращаясь к кому-то стоявшему за чертой видимости.

Ему ответили звонким женским голосом. Лицо улыбнулось, что-то ответило и, повторяя вчерашний вопрос, приблизилось к пациенту:

Как вы себя чувствуете?

– Хорошо, – попытался ответить он, но с измученных губ не донеслось даже шепота.

Его поняли, это он понял сразу, но почему-то не ответили. Лицо приветливо улыбнулось и уплыло за пределы видимости.

Начиналось выздоровление.

Совсем скоро он начал ходить.

Сначала на костылях, потом с палочкой. Было тяжело, после нескольких шагов приходилось подолгу отдыхать и набираться сил для последующих попыток.

Ему не препятствовали, но и не помогали, если не считать помощью уколы, которые расслабляли и в то же время накачивали организм благодатной энергией.

Рядом всегда кто-то находился.

Несколько раз он пробовал заговорить с этими людьми, но в ответ получал только вежливое молчание.

Что это за люди? Почему они не оставляют его без внимания даже на минуту? И почему они не отвечают на вопросы? Впрочем, пока его это не очень волновало, волновало совершенно другое: он не знал кто он и где находится?

Казалось, что его не понимают, что он никому не нужен, но все желания, даже те, что выражал мысленно, тут же выполнялись.

Вывод напрашивался один – понимают, возможно, даже слышат, о чем думает, но по какой причине не хотят общаться. А может это все просто кажется? Может просто предугадывают желания, должны же в больнице знать, что требуется больным.

Так и не добившись от окружающего персонала ни слова, он плюнул на все и стал терпеливо дожидаться, когда же, наконец-то появится тот кто-то, кто разъяснит все. Не может быть, чтобы его навсегда оставили в полном неведении, чтоб никто не захотел с ним поговорить.

От нечего делать смотрел фильмы по прибору, включающемуся от требовательного взгляда.

Этот прибор напоминал что-то, но что?

Стена забвения не пускала, не позволяла вспомнить прошлое, и он просто смотрел то, что показывали.

В передачах и фильмах жизнь показывали простой, легкой и радостной, но он понимал, что это все не его, он жил не так, жил в чем-то другом, странном, страшном, забытом – вспомнить бы.

Раз в три дня его посещал Толичано. Этого человека он увидел впервые, когда приходил в себя в первый раз. Толичано представился при третьей встрече. Он мог, или ему было позволено разговаривать с ним, но и он, как все остальные, не отвечал на вопросы о прошлом. Только однажды, когда пациент достал расспросами, Толичано заявил, дав понять, что никто ему до поры не ответит:

– Я не уполномочен отвечать на эти вопросы. Придет время, и вам все объяснят.

Этим красноречивым «вы» он придерживал собеседника на определенной дистанции и не позволял приблизиться в отношениях ни на шаг.

В душе пациента или заключенного, он не знал, в каком качестве находится здесь, хотя для заключенного жить слишком шикарно, наступило спокойствие. Он понял, что нужен этим людям. Но зачем?

«Придет время, расскажут», – так сказал Толичано, но все же неизвестность не давала полного спокойствия, хотелось все знать, вспомнить как можно быстрее.

Как-то раз, изнывая от надоевшего бездействия, он вспомнил, именно вспомнил, о спорте, который мог бы помочь убить медленно текущее время.

Подумав, он тут же переключился на показывающий прибор, чтобы посмотреть какую-то увеселительную передачу.

Наутро следующего дня его провели в соседнюю комнату, где ровными рядами выстроились тренажеры.

Тут же, ниоткуда, словно привидение, появился Толичано и после обязательного приветствия поинтересовался, нравится ли ему спортзал.

Спортзал нравился, очень нравился. Он понял, что когда-то такие же тренажеры были частью повседневной жизни, которая оставалась там, за серой стеной.

С нетерпеливой радостью начал заниматься, и мышцы, ослабленные долгим бездействием, заныли, принимая хоть и не большую, но нагрузку.

Обслуживающий персонал: охрана, или прислуга – он не знал, как охарактеризовать людей в белых халатах, постоянно находящихся рядом, с улыбкой, возможно, с недоумением, наблюдали за увлеченными занятиями, видимо не понимая, зачем все это нужно человеку, у которого все есть.

Он тоже не понимал, просто знал – нужно.

Дни шли, однообразно сменяя друг друга, но вот однажды режим, ставший привычным, был нарушен.

В спортзал вошли двое: Толичано и еще один совершенно незнакомый человек. На груди незнакомца находился переливающийся перламутром знак. На этот знак невозможно было не обратить внимание, и он понял, что приходит конец неизвестности, что сегодня должны что-то сообщить, возможно то, что он так долго стремился вспомнить.

– Сердио, – приятным тенором представился новый посетитель.

– Э-э... – он запнулся, не зная, как представиться, покосился на Толичано, словно спрашивая у него свое имя, и просто протянул руку.

Жест доброжелательности и приветствия получился произвольно, словно он в прежней, забытой жизни постоянно пользовался им. Посетитель с готовностью ответил и он, впервые за долгие недели, почувствовал тепло крепкого рукопожатия.

– Прошу вас пройти в вашу палату, – предложил Сердио после рукопожатия и сделал величественный жест рукой. – Я хотел бы с вами побеседовать.

Он молча кивнул в ответ и направился к выходу.

В палате, это сразу бросилось в глаза, произошли изменения. Ее несомненно говорили к предстоящей беседе и произвели некоторую перестановку.

Напротив показывающего прибора, который Толичано во время прошлого посещения назвал телевизором, стояло не одно привычное кресло, а три. Сам телевизор был переставлен в угол, а между ним и креслами появился небольшой столик с изогнутыми резными ножками.

«Наверное, что-то будут показывать», – предположил он и на правах хозяина первым устроился на одном из кресел.

Гости последовали примеру, и наступила непродолжительная пауза.

Сердио бесцеремонно рассматривал его, и от этого прямого открытого взгляда становилось не по себе.

– Может быть, вы объясните мне цель вашего визита? – нарушил он молчание. – Ведь вы именно за этим сюда пришли? Или вас интересует что-то другое? – но тут же поспешил напомнить: – Вот только вряд ли я вам что-либо сообщу, бестолковка никак и ничего не хочет вспоминать.

– Объясню, – улыбнулся Сердио и, набросив ногу на ногу, скрестил ладони в замок.

Толичано молчал. Странно, он сегодня молчит весь день, точнее, все время визита.

– Так я могу задать вопросы?

– Можете, но я хотел бы перед этим вам кое-что объяснить, точнее от кое чего предостеречь.

– Ну уж нет, – он торопился покончить с неизвестностью и не желал больше ждать. – Я хочу, чтобы вы сначала ответили мне на некоторые вопросы, а уж потом предостерегайте сколько угодно!

Сердио не стал спорить:

– Я слушаю вас.

– Первым делом ответьте мне, кто я и где в данный момент нахожусь?

– Я предполагал, что вы начнете именно с этого.

– Вы не ответили!

– Вас зовут Иванов Владимир. – Не стал терзать ожидание посетитель. – Но я думаю, что знание имени и фамилии, в данный момент, ничего вам не даст.

Действительно, Владимир попытался вспомнить что-нибудь связанное с этим именем....

«Нет, ничего».

Стена не пускала, и он поспешил задать следующий вопрос:

– Тогда скажите, где я?

– Ответ на этот вопрос потребует много времени.

– Ничего, мне спешить некуда! Я хочу знать, где я нахожусь? В какой стране? И с кем имею дело?

Слово «страна», выскочило непроизвольной новинкой, но он понял, что вопрос задан правильно.

Сердио почему-то глянул на Толичано, странно пожевал губами и, вернув на лицо доброжелательную улыбку, произнес:

– Вы находитесь на планете «Земля», но государств, или стран, как вы выразились, у нас нет. Их у нас никогда не было и наверное уже не будет, так уж сложилась история.

«Врет», – уверенно подумал Владимир. – «Хоть я точно и не помню, что это такое, но уверен, что они всегда были».

– Все дело в том, – продолжал Сердио, – что вы находитесь в другом векторном измерении. До того, как мы выдернули вас сюда, вы проживали в векторе «С», который мы характеризуем как самый нестабильный на планете.

Владимир напряг память, пытаясь понять смысл сказанного, и в голове тут же появилась пульсирующая боль. Усиливаясь, она ударила по вискам, в глазах все вспыхнуло ярким светом.

Владимир привстал с места, схватился за голову и попытался позвать на помощь.

– Что с вами? Вам плохо?! – послышался удаляющийся встревоженный голос Сердио.

– Да, – с неимоверным усилием пролепетал он и... открыл потяжелевшие веки.

Вновь белый потолок и никого рядом.

«Странно, – подумал Владимир. – А где же Сердио и Толичано?»

Все походило на тот день, когда он впервые очнулся после беспамятства, но с той лишь разницей, что он мог спокойно шевелиться без пронизывающих тело болезненных ощущений.

Он повернул голову в сторону и увидел белый халат, надетый на знакомого молчаливого врача.

Врач, заметив движение в кровати больного, что-то сказал человеку, сидящему в дальнем углу, и тот поспешил к нему.

«Толичано», – узнал его Владимир и улыбнулся.

– Как вы нас напугали, – проговорил Толичано. – Вы так сразу упали...

– Что со мной было? – перебил его Владимир, поднимаясь и свешивая ноги с кровати. В глазах вновь все закружилось.

– Лежите, лежите! – испуганно запротестовал Толичано, сделав попытку уложить обратно. – Вам не рекомендуется вставать.

– Так что со мной было? – вновь повторил он вопрос, подчиняясь просьбе и принимая горизонтальное положение.

– Ваш мозг, после долгого застоя, не выдержал перегрузки непонятной информации и отключился, – ответил Толичано. – Вы не волнуйтесь, такое бывает с людьми вашего вектора, которых мы переносим сюда. Это не ваша вина, это вина временной скорости нашего вектора, к которой надо привыкнуть. К сожалению, в большинстве случаев, адаптация проходит очень болезненно, а вы к тому же были сильно травмированы.

«Опять какой-то вектор», – подумал Владимир и посмотрел по сторонам.

– А где же Сердио?

– Он придет, когда ваше здоровье позволит вам все воспринимать безболезненно.

– Так его, что же, нет здесь?

– Ну конечно же нет! Ведь вы пробыли без сознания почти сутки. Он не может терять столько времени.

– Понятно. – Владимир тяжело вздохнул и прикрыл усталые глаза, давая понять, что разговор на сегодня окончен.

На этот раз выздоровление проходило много быстрее. Буквально через четыре дня он почувствовал себя в норме и приступил к занятиям на тренажерах.

Тренажеры, заскучавшие было о заболевшем хозяине, вновь весело заскрипели пружинами и загудели настойчивой упругостью.

Владимир, он прочно усвоил свое имя, с каждым днем все больше и больше нагружал организм. После того, как Толичано все подробно объяснил, у него появилась цель – поскорее адаптироваться к местному временному течению. Он старался, старался изо всех сил, надеясь, что это поможет.

Вечерами, чтобы заставить мозг перестроиться и нормально работать, также по совету Толичано, читал книги. Сначала читал через «не хочу», по необходимости, но вскоре попалась интересная повесть, она взволновала сюжетом и заставила по-другому взглянуть на литературу. Вероятно, чтение раньше его не очень привлекало.

В часы отдыха, находясь перед телевизором, Владимир упрямо пытался пробиться через стену забвения. Стена не пускала, но перед настойчивыми попытками постепенно отступила, пропуская через себя пока лишь малые крупицы забытого.

Вспомнилось Солнце. Этот ослепительно-жёлтый круг, который когда-то постоянно находился над головой, обжигал тело в жаркие дни, которые сам же и создавал.

Возможно, Солнце было той точкой отсчёта, после которой память начинала потихоньку возвращаться.

Неожиданно он понял, что в этой его однообразной жизни не хватает именно Солнца. Значит, Толичано не обманывает. Значит, он действительно в чужом мире.

Вскоре вспомнились звёзды. Чёрное небо, освещённое серебром луны, город и огромное количество лиц, незнакомых лиц, которые, как он предполагал, могли быть друзьями или родственниками.

Однажды, когда, приняв душ после тренировки, он сидел в тяжёлом раздумье, появился Сердио. Он появился так же, как Толичано, без приглашения или предупреждения, словно джин, проникший сквозь стену.

Владимир поднялся навстречу и крепко пожал протянутую руку. Узкая, с длинными, музыкальными пальцами ладонь Сердио, казавшаяся слабой, ответила крепким сжатием и Владимир, удивившись силе невысокого и на вид невзрачного человека, поднажал.

– О-о-о, – приподнял брови Сердио. – Ваши усилия не проходят впустую! Вы быстро набираете форму.

– Стараемся, – ответил Владимир, потирая подвергнувшуюся обратному жиму ладонь и приглашая гостя присесть.

– Итак, – без предисловий начал Сердио, чинно опустив тело в кресло, словно следовал положенному в таких случаях этикету. – В прошлый раз наша беседа прервалась при очень неприятных обстоятельствах.

Владимир смущённо заёрзал в кресле.

– Не волнуйтесь, – заметил его телодвижения Сердио. – Вашей вины в том нет. Это происходит практически со всяким человеком, который попадает в наш вектор.

– Я знаю, – торопливо перебил его Владимир. – Мне все объяснил Толичано.

– Если вы почувствуете себя во время беседы плохо, скажем, начнёт кружиться голова или, того хуже, – болеть, то не стесняйтесь, скажите.

– Я вас понял.

– Вот и хорошо, а теперь можете спрашивать.

– В прошлый раз вы рассказали мне про вектор, в который я якобы попал. Толичано тоже говорил мне о нём, но я мало что понял и прошу вас продолжить.

– Хорошо... – Сердио на несколько секунд замолчал, видимо, обдумывая начало беседы, и после паузы начал: – Попали вы к нам не якобы, а действительно. Вы человек вектора «С», наш же вектор мы отмечаем буквой «А», потому что он для нас является основным. Таких векторов огромное количество. Их так много, что мы даже не знаем сколько – не во всё удалось проникнуть. Вектор – это условное наименование, хотя скоростные качества времени каждого вектора индивидуальны и всё это в совокупности напоминает геометрическое понятие. – Сердио остановился в объяснениях на несколько секунд, давая возможность собеседнику переварить новую информацию.

Владимир молчал, пытаясь вникнуть в суть.

– Чтобы вам было более понятно, я приведу такой пример, – вновь заговорил Сердио. – Представьте себе две реки, которые протекают параллельно друг другу. Они текут в одном направлении и между ними есть некий раздел, скажем, дамба, которая не даёт им слиться в одно русло.

Владимир понимающе кивнул.

– Так вот представьте себе, что в этих реках всё одинаково, всё кроме одного – скорости течения воды. Поняли?

– Примерно понял, – кивнул Владимир. – То есть скорость течения вод рек и временная скорость течения векторов – одно и то же.

– Да. Так вот эта разница в течении временной скорости и влияет на мозг человека вашего вектора. Она невелика, но её действие сказывается очень сильно. Бывали случаи, что люди не выдерживали перегрузки и умирали.

– А вы определили разницу скорости?

– Да.

– А как?

– Это очень просто. Мы взяли хронометр вашего вектора и хронометр нашего и вычли одно из другого.

– А на хронометр нашего вектора скорость вашего не влияет?

– Нет, на механизмы она не оказывает никакого воздействия.

– Теперь я начинаю понимать, почему мне хочется спать всегда раньше, чем наступит вечер, – улыбнулся Владимир.

Сердио усмехнулся:

– Вы ещё не видели вечеров, потому что находитесь в полностью изолированном пространстве.

– Я это давно понял.

– Да? И как вы догадались?

– Это просто, нет Солнца, а ночью нет звёзд. Напрашивается вывод, что и в саду, и над бассейном находится искусственный свод, замаскированный под небо.

– Вам не откажешь в наблюдательности, – проговорил Сердио, проведя рукой по голове, слегка пригладив ершистые волосы. – Действительно над садом находится искусственный свод. Мы смогли симитировать плывущие облака, похожий на небо окрас, но сделать что-нибудь подобное Солнцу пока не удаётся. Да в общем-то это, наверное, и ненужно. Люди вашего вектора, прибывающие сюда, не очень-то обращают на них внимание, вы оказались первым, кто вспомнил про него.

– А для чего это сделано?

– Цель проста, мы постепенно переводим организм человека вашего вектора на течение времени в нашем, то есть добавляем ежедневно небольшой отрезок. Кому несколько минут, кому час и так далее.

– Ага, понятно. Не буду спрашивать, сколько добавляете мне – боюсь начать считать. Но у меня есть еще один вопрос.

– Задавайте.

– Я бы хотел узнать, почему со мной не разговаривают эти люди? – Владимир указал на людей в белых халатах, стоящих чуть в стороне.

Сердио улыбнулся:

– Они не запрограммированы на ваш язык.

– То есть?.. – Не понял Владимир. – Они что, не люди?

– Почему же не люди, люди. Дело в том, что у нас не изучают языки, как у вас. У нас их закладывают в мозг с помощью специальной программы. Это происходит по желанию человека или же является обязательным при работе в той или иной сфере деятельности. Лично я не хотел бы иметь эти знания, но в связи с работой вынужден.

– Я понял, – проговорил Владимир и решил несколько сменить тему. – А вы можете рассказать мне про жизнь вашего вектора?

– Конечно. Итак, сутки нашего вектора составляют тридцать два часа одиннадцать минут вашего времени. Из-за такой медленной скорости несколько изменены некоторые параметры физических величин, даже цветовая гамма несколько другая.

– Не понял.

– Скажу проще, у нас нет красного цвета, который в избытке присутствует у вас, но у нас есть другой цвет, которого у вас нет и который вы называете ультрафиолетом.

– Я смогу когда-нибудь все это увидеть?

– Что именно?

– Как вы живете, ваши города, ну и прочее.

– Конечно! Мы приняли решение позволить вам попутешествовать, понаблюдать за нашей жизнью. Можете приступить в любой удобный для вас день, хоть завтра. А сегодня я вам расскажу о некоторых особенностях нашего общества. – Сердио сидел не шевелясь. Он только говорил, не делая при этом никаких движений.

Владимир несколько минут назад обратил внимание на эту особенность собеседника и подумал, что он столько не выдержал бы. Сердио же продолжал сидеть в одной позе и, кажется, не собирался её менять.

– У нас нет государств, – продолжал рассказ гость. – И никогда не было, потому что они оказались неудобными, непрактичными. Общество не захотело их иметь, и они у нас не появились. Спросите, откуда мы знаем, что такое государство? Отвечу. Из практики вашего и некоторых других векторов, где государства являются главным фактором нестабильности общества. Потом, у нас нет денег и, следовательно, нет экономических кризисов, которые так же постоянно будоражат ваш вектор. Мы просто работаем и пользуемся плодами своего труда. Продолжительность жизни составляет около ста восьмидесяти лет и из них полезная продолжительность – сто сорок.

– У вас что же – коммунизм? – перебил собеседника Владимир, вспомнив новое слово.

– Ну что вы, какой коммунизм. У нас обычная жизнь, хотя, по вашим меркам её можно было бы назвать коммунизмом.

– Короче, у вас нет наций, государств и денег.

– Нет, нации у нас есть, но на них как-то не принято обращать внимания. Это просто определение родов, или, точнее сказать, генеалогического древа каждого человека.

– Хорошо, я понял примерно строение вашего общества. Мне кажется оно очень простое. А у вас есть какой-нибудь руководящий орган?

– А как же, конечно есть, и называется он архидропаг. – Сердио показал на знак, украшающий его грудь. – Вот таким знаком обладает каждый представитель архидропага, и только у главы этот знак выделен другим, как сказали бы у вас, золотым цветом.

– Можно посмотреть?

– Пожалуйста.

Сердио придвинулся, и Владимир осмотрел правительственный жетон.

– Интересная штука, – произнёс он, закончив осмотр. – Я бы не прочь иметь такой.

– Его надо заслужить, – улыбнулся словам собеседника Сердио. – Так просто его никому не дают.

– Значит вы представитель местного правительства. И много людей у вас в правительстве?

– Много, несколько тысяч, но меньше, чем в любой стране вашего вектора, где кроме министров придумана куча постов для заместителей, которые совершенно не нужны.

– А как вам удаётся проникать в другой вектор? – Владимир вновь сменил тему. – Ведь для этого, требуется специальное оборудование?

– Вы правы, для этого нужно специальное оборудование. Принцип его действия я вам рассказать не смогу, потому что не знаю, могу лишь сказать, что мы не проникаем в другой вектор, мы его встречаем по пути следования. Если мы совершим прыжок, то пролетим мимо полосы жизни и попадём в использованное русло.

– Ничего не понял, – честно признался Владимир.

– Не мудрено, – губы Сердио вновь посетила улыбка. – Так сразу никто не может этого понять. Для этого надо учиться, но все мелочи перехода знают немногие, в основном только те, для кого вектодесант является постоянной работой. А вы слышали когда-нибудь об аномальных явлениях?

– Об аномальных? – Владимир напряг память. – Нет, пожалуй, не слышал, точнее, не могу вспомнить.

– Если услышите или вспомните, то имейте в виду, что в некоторых из них виноваты мы. Иногда по неосторожности наши десантники во время работы могут появиться на глаза. Люди вашего вектора замечают, и появляются домыслы про барабашек и прочую ерунду. В основном в таких случаях мысли у них направлены не в лучшую сторону.

– Не знаю, не помню, – повторил Владимир и с сожалением посмотрел на собеседника. – Мне очень жаль. Если честно, то я почему-то не верю в то, что я из другого вектора. Мне кажется, что я всегда жил здесь и случайно, из-за травмы, потерял память.

Сердио улыбнулся:

– Не думайте об этом, не питайте надежды. Очень скоро вы убедитесь и поймёте. Кстати, человек вашего вектора может перенестись в другой вектор только дважды, туда и обратно.

– Почему? – Владимир очень удивился.

Ему только что казалось, что переброску можно делать бесконечно.

– Потому что у вас, точнее у людей вашего вектора, слишком слабая нервная система. Она не выдерживает третьего вектодесанта и разрушается. Временные перегрузки настолько сильны, что десантник вашего вектора даже теряет память, и в большинстве случаев она не возвращается. То есть то, что было, человек уже не может вспомнить до тех пор, пока не попадёт обратно в своё измерение. С нашей точки зрения это очень странно, так как вы почти ничем не отличаетесь от нас.

Сердио развёл руки в сожалеющем жесте.

Владимир понимающе смотрел на собеседника, хотя на самом деле в голове что-то не вязалось. Сообразив, что сегодня всё равно ничего не поймёт, задал новый вопрос:

– Скажите, чем заинтересовал вас наш вектор? Зачем вы вытащили меня оттуда?

– Всё дело в том, что ваш вектор является на Земле самым неуравновешенным, самым нестабильным и самым опасным. Правда, лишь в черте тех векторов, которые мы можем посещать. У вас постоянно бушуют войны, за последнее тысячелетие мы не насчитали и сотни дней, когда у вас на всей планете был полный мир. Из-за денег процветает коррупция, из-за существования государств развивается военное производство, и оружия сейчас столько, что вы можете уничтожить планету несколько раз. Нам приходится, по возможности, сдерживать ваш вектор, но не всегда это удаётся.

– Для чего?

– Для спокойствия. Ведь мы с вами находимся на одной планете, и если вы её уничтожите, то попутно погибает и мы.

– Понятно. А для чего вам потребовался я?

Сердио несколько секунд колебался, раздумывая, стоит ли посвящать Владимира в планы правительства. После паузы, решив, что стоит, сказал:

– Что ж объясняю и это. Всё дело в том, что через год с небольшим придёт именно то время, когда ваш вектор уничтожит и себя, и все миры нашей планеты. Ваша задача состоит в том, чтобы предотвратить уничтожение, проще сказать, – спасти мир.

– Чем же это я заслужил такую честь? – сыронизировал Владимир, думая, что собеседник шутит, но лицо Сердио оставалось серьёзным.

– Ничем, – не отреагировал на иронию Сердио. – Дело в том, что всё, что должно произойти, уже произошло и вы именно тот человек, который мог остановить разрушение планеты, но не успел и погиб.

– Что?! Я погиб?!! – в голове Владимир появился звон.

Он даже привстал с места, пытаясь понять только что сказанное собеседником.

– Вам плохо? – тут же отреагировал на движение Сердио.

– Ничего не понимаю, – не ответил на вопрос Владимир. – Я же живой!

– Всё верно. Мы смогли спасти вас и с помощью антивектора переправили сюда, чтобы вернуть к жизни. Поверьте, это было нелегко сделать.

– То есть всё вокруг уже не существует?! Этого всего нет? – Владимир начал сомневаться правильно ли он понимает собеседника, и вообще, не сумасшедший ли сидит перед ним.

– Считайте что так, – не меняясь в лице, сказал Сердио. – Мы с помощью антивектора вернулись назад, чтобы попробовать изменить ход истории, и вы должны будете сыграть главную роль. Вам тогда для полного решения проблемы не хватило всего лишь шести секунд.

Сомнение отступило, Владимир понял, что Сердио говорит правду, только его правда казалась полной чушью, фантастикой, не поддающейся пониманию.

– И что же я не доделал?

– Вы не предотвратили пуск первой ракеты с ядерной боеголовкой, после которой и началась сама война, приведшая к уничтожению планеты.

– Да? Но как? Как я не предотвратил?

– Вы не успели поднять пистолет. Точнее сказать – не смогли. Он находился у вас в руке, но у вас не хватило сил поднять его. Ваша задача заключалась в том, чтобы вы уничтожили террориста, который впоследствии запустил ракету с ядерной боеголовкой.

– Во... А где это случилось, как я туда попал?

– Это случилось на одной из военных баз, которую с определённой целью захватила банда террористов. А вы крупнейший специалист по борьбе с международной преступностью и, по нашим данным, один из лучших. Вы один тогда смогли добраться до сердца базы.

– Ах вон в чём дело, – наконец дошло до Владимира. – Теперь я начинаю кое-что понимать. И какова же будет моя задача на этот раз?

– Суметь поднять пистолет. Убить террориста.

– И только то? А если я не смогу или не попаду в него?

– Значит, эта наша последняя попытка исправить положение дел станет бесполезной и мы зря старались, потому как второй раз перенести вас сюда мы не сможем.

Владимир поднялся из кресла и в задумчивости прошёл по комнате. Теперь он всё понял, единственное, что было плохо, так это то, что он ничего не помнит из того последнего, что произошло на той треклятой базе.

– Но ведь если перебросите меня туда, то там должно получиться двое я?

– Нет, – тут же опроверг его предложение Сердио. – Такие варианты переброски у нас случались, опыт есть, вы будете помещены в своё первое «я» точно в определённое время, подзарядив при этом свой уставший организм свежими силами.

– Интересно получается. – Владимир остановился напротив Сердио, скрестив на груди руки. – Если вы такие сильные, если у вас такая мощная аппаратура, то почему бы вам самим не попробовать предотвратить катастрофу? Ведь так будет намного проще. Забросили туда своего человека, он делает всё что нужно и возвращается обратно.

– Вы так легко рассуждаете, словно переброска вектодесантника плевое дело, – проговорил в ответ Сердио. Нет, дорогой, это очень сложная работа. К тому же мы не хотим рисковать.

– Чем? Жизнью человека своего вектора?

– Нет. Жизнь одного человека по сравнению с существованием цивилизации ничего не значит. Просто наши организмы материализуются несколько секунд. За это время наших людей перебыют, пока они будут еще тенью. Мы не хотим срывать такой важной операции из-за этого. Одна надежда на вас.

– В таком случае последний вопрос, кем я был раньше?

– Командиром группы спецназа.

Владимир опустил в кресло и задумался.

Сердио молча, с невозмутимым видом, сидел напротив и дожидался, пока он обдумает только что услышанное.

– Что от меня требуется в данный момент? – наконец поднял глаза Владимир. – Моё согласие?

– Я думаю, что вы согласитесь в любом случае.

– Это еще почему?

– Объясняю. Вас в любом случае должна ожидать гибель, но если вы идете на дело, то у вас появляется возможность остаться в живых, и у нас тоже. Если же вы отказываетесь, то погибаете вместе со всеми, только на несколько часов позже. Я думаю, что стоит пожертвовать жизнью во благо всех миров планеты.

– А как я могу остаться в живых?

– Ну..., я думаю, если вы уничтожите террориста, то, наверное, останетесь.

Действительно, выхода не было. Владимир это сообразил сразу, но идти на смерть всё же не хотелось, куда спокойнее было бы смотреть на всё происходящее со стороны.

– Какова задача будет у меня сейчас? – спросил он, решив прекратить расспросы.

– Выздоровливать, набираться сил. Можете путешествовать. Если будут пожелания, их выполнят – по возможности.

– Это всё?

– Да. Только я хочу предупредить вас об одном факторе, который для вас будет очень неприятным. Вы должны заранее узнать о нем, чтобы не питать никаких иллюзий о будущем.

– Что такое? – Насторожился Владимир.

– Дело в том, что после переброски вас в ваш вектор, вы забудете все, что происходило в нашем векторе. Виною тому, как вы должны понимать, станут временные пороги и ваша несовершенная нервная система.

– Что, совсем ничего не буду помнить?

– Вероятнее всего так оно и будет. Может что-то и вспомнится, но не более как сон, а вот ваши прежние воспоминания, которые недоступны вам сейчас, появятся почти моментально.

– Почему?

– Потому, что вы попадете в свое скоростное измерение, и организм встанет на привычные рельсы. – Сердио глянул на часы и поднялся с места. – Мое время закончилось, я должен вернуться к своим непосредственным обязанностям. До свидания.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и вышел.

Владимир проводил его задумчивым взглядом и остался один на один со своими противоречивыми мыслями. То, что только что сказал Сердио, глубоко запало в душу.

«Год, остался всего лишь год. Как странно устроена жизнь»...

Год спокойной жизни, который когда-то гарантировал Сердио, прошел незаметно.

Время неумолимо текло по проложенному вектором руслу, и Владимир, все с большим и большим волнением и нежеланием, ждал прихода дня, когда к нему придут и скажут: «Пора».

В глубине души он надеялся, что в его векторе что-то переменится, что история повернет в другую сторону, и террорист, которого он должен будет остановить, откажется от глупой мысли или же погибнет при каких-либо других обстоятельствах, и тогда... тогда не придется рисковать.

Он ждал, и этот день наступил.

В тот день он, по обыкновению, «висел» на тренажерах и старательно нарабатывал силу. Он не торопился и спокойными, расчетливыми движениями вытягивал тренажер на себя.

Вообще, в последнее время он почувствовал себя сильным, выносливым человеком, справиться с которым не всякому под силу.

Возможно, он уже когда-то был в таком состоянии, может быть даже в более лучшем, но сейчас ему казалось, что эта его сила, ловкость и выносливость наилучшая за прошедшую жизнь.

Трепет перед предстоящей операцией почти исчез и однажды, настраиваясь на победу и напрягая мышцы на тренажере, он прорычал:

– Я тебе покажу, козел, как нажимать запретные кнопки!

Почувствовав на себе чей-то взгляд, оглянулся на дверь. Там, не отрывая его от дела и внимательно наблюдая за ним, стояло несколько человек.

В душе Владимира что-то дрогнуло. Он оставил тренажер, взял в руки полотенце и, вытирая с лица и шеи проступившие капли, подошел к гостям.

Из всей группы только двое были ему знакомы – Толичано и Сердио, которые с почтительным видом стояли чуть позади.

– Здравствуйте, – поздоровался Владимир. – Чем могу быть полезен?

Он прекрасно знал, чем он будет «полезен», но постарался выглядеть естественно непонимающим.

– Прошу вас последовать за нами, – требовательным голосом проговорил ему стоящий впереди мужчина, к груди которого был пристегнут золотой жетон.

Его высокомерный вид, манера разговора и начальственный тон, сразу же не понравились Владимиру.

«Хоть бы поздоровался что ли», – подумал он, окинув человека неприязненным взглядом.

Человек, не проронив больше ни слова, круто, по-военному, развернулся и направился к выходу.

Группа последовала за ним.

Владимир, оказавшись рядом с Сердио и Толичано, непочтительно дернул последнего за рукав:

– Кто этот хам?

– Это Сердинар Вовт – глава архидропага.

– Тот самый? – В голове Владимира всплыл рассказ Толичано про правителя, где Сердинар Вовт описывался как честный, трудолюбивый и внимательный к чаяниям народа человек.

– Тот самый, – подтвердил Толичано. – Так что я очень прошу тебя быть спокойнее. Надо уважать правителя, будь почтительнее.

– Ха. А что он мне может сделать, если я буду непочтителен? – Насмешливо глянул на него Владимир. – Там для меня смерть, – он указал рукой куда-то вдаль, – потеря памяти. Я же смертник! Мне терять нечего и поэтому разговаривать с ним я буду так, как сочту нужным.

Сердио окинул его умными глазами.

– Хочешь досадить? Зачем это тебе? – Толичано, шедший с другой стороны, вежливо взял под руку.

– Не стоит, Володя! Ты, наверное, думаешь, что ему наплевать на то, что тебе предстоит? Нет, милый мой, я вчера разговаривал с ним и заметил, что он переживает за твою судьбу не меньше, чем мы с Сердио.

Владимир перевел взгляд с одного собеседника на другого и вспомнил день, когда они перешли на «ты».

В тот день он получил сразу двух друзей, честных, спокойных, думающих. Друзей, которые много в чем помогли.

Группа быстро добралась до места.

– Ну что ж, Владимир Иванов, – обратился к нему Сердинар Вовт, после того, как все расселись по креслам. – Пришло, время выполнить миссию, которая вам предназначена.

Глава архидропага смотрел строгими темно-кариими глазами, которые, как показалось Владимиру, словно рентгеном просвечивали голову и читали мысли.

– Когда прикажете приступить? – спросил он.

– Не спешите, – улыбнулся глава правительства. – Заброска будет произведена завтра, а сегодня я пришел к вам для того, чтобы побеседовать, узнать, не хочет ли чего человек, от которого зависит будущее, даже не будущее, а жизнь нашей планеты, – он особо выделил интонацией это слово – «планеты». Вы должны понимать, что если вы не сможете выполнить возложенную на вас задачу, то послезавтра ничего этого не будет. – Он жестом обвел вокруг себя, давая понять собеседнику, что он и только он может предотвратить надвигающуюся катастрофу.

– Значит, вы пришли полюбоваться на меня? Ну и как я вам? Нравлюсь или не очень? – Владимир вызывающе смотрел в глаза главы архидропага.

Сердинар Вовт поймал издевку в голосе собеседника и спокойно, выдерживая уважительный тон, ответил:

– Когда человек ведет себя так, как вы в данный момент, то он мне никогда не симпатичен. Но я давно знаю вас, давно наблюдаю за вами, знаю ваш характер, знаю, что вы не такой, что вы трудолюбивый, сильный духом, честный. Я понимаю ваше состояние, но все же прошу оставить этот тон и поговорить спокойно, без иронии. Я ведь прекрасно понимаю, что у вас творится на душе, и поверьте, я бы очень не хотел, чтобы вы отправлялись туда. Но что делать, – Сердинар Вовт развел руками, – если вы по каким-либо причинам не попадете в свой вектор, то погибнут все миры пашей планеты. Да, кстати, я хотел бы вас известить, что наши ученые просчитали еще раз все варианты и пришли к выводу, что у вас имеется шанс на опасение. Мы взяли во внимание все, возможные и даже невероятные, граничащие с фантастикой, варианты заброски и выявили его.

– Интересно, и какой же процент? – Владимир перешел на нормальный тон.

– К сожалению, нет даже одного. Примерно семь десятых процента. Вы можете остаться в живых, если правильно распределите силы, а мы, если сможем, поможем.

– Что ж, спасибо за информацию, – проговорил Владимир, но я думаю ваша помощь там мне не пригодится, ведь после заброски я все забуду, к тому же вашим людям придется материализовываться, а это займет какое-то время.

– Да, память в той ситуации вам бы не помещала, но что делать. – Правитель вновь развел руки в сожалеющем жесте и сменил тему: – Как ваше настроение?

– Ну да, вы нашли, о чем опросить, – съязвил Владимир. – Это равносильно тому, чтобы спрашивать у больного здоровья.

– Я понял вас, извините.

А вот этого он не ожидал. Глава архидропага попросил прощения, и за что, за какой-то пустяк! В груди шевельнулось что-то вроде уважения, моментально сменив первоначальное мнение.

– А вы молодец, – продолжал между тем Сердинар Вовт. – За такое короткое время смогли восстановиться почти на сто процентов. Не каждому такое удастся.

– Стараюсь, – усмехнулся довольный похвалой Владимир.

– А как вам наши города? – задал новый вопрос глава архидропага. – Понравились? Я ведь в курсе, что вы много путешествовали.

– Да. Очень. – Владимир вспомнил экскурсии по городам. – У вас все так красиво, чисто, спокойно... Я хотел бы остаться у вас жить.

– Сожалею, но это невозможно.

– Я знаю... Извините, но мне кажется, что вы пришли сегодня ко мне по делу, – перевел разговор Владимир в другое русло, уверенный, что от него еще что-то хотят и что весь предыдущий разговор только предисловие. – Так давайте поговорим о деле.

Сердинар Вовт широко улыбнулся:

– Послушайте, а вы мне симпатичны. Не многие люди вашего вектора умеют говорить прямо, но сейчас вы ошиблись. Я прибыл к вам только для того, чтобы поближе познакомиться. Никаких дел у меня к вам нет, кроме одного, о котором вы полностью информированы.

На следующий день Владимир был переправлен в свой вектор.

Это произошло просто, можно сказать буднично, словно переброска не представляет никакой сложности.

При заброске присутствовало несколько человек.

Владимир, в обнаженном виде, как того требовали правила вектодесанта в свое "я", взошел на белый, диаметром до двух метров, диск, зеркально отражающий блики окружающей цветности. Встал в центр. Диск тут же приподнялся над поверхностью. Сверху

над головой повис еще один, точно такой же, и по всей площади, из верхнего в нижний, ударили тончайшие, подобные шелковым нитям, лучики света.

Они создали световую границу, отделив вектодесантника от окружающего мира.

Внутри отделенного пространства начал медленно сгущаться неизвестно откуда поступающий, странный, сиреневый, с легким дурманящим запахом, туман.

Владимир повернул голову в сторону провожающих и сквозь сгущающийся туман увидел как Толичано и Сердио, его друзья этого мира, подняли руки и прощально помахали. На глазах их всегда спокойных лиц блестели слезы, слезы прощания навсегда.

Он помахал в ответ рукой и, чтобы не расстраиваться, отвернулся. К горлу подкатился комок.

Туман начал менять цвет, а затем резко нахлынула темнота.

Владимир настороженно прислушался.

Откуда-то издалека едва слышно звучал удаляющийся голос оператора, руководящего переброской и отсчитывающего последние секунды пребывания гостя в этом векторе.

Неожиданно что-то крепко обхватило тело и заставило принять определенную позу.

Он не стал сопротивляться силе и сел именно так, как требовало от него это сжатие.

Что-то ярко сверкнуло в глазах.

Владимир Иванков, держась рукой за раненое плечо, сидел возле двери в главный пультовый зал на корточках и вслушивался в матершинную брань людей, о чем-то споривших громкими голосами. Он различал три голоса и был уверен, что там трое.

Заскакивать туда сейчас он не решался, потому что хорошо натренированные люди обязательно среагируют и, скорее всего, исход схватки будет не в его пользу.

По опыту старого бойца он понимал, что справиться сразу с тремя довольно трудно, что только в дешевом боевике можно не напрягаясь, с помощью ножа и пистолета разрушить город и перебить в рукопашной пару полков противника. В жизни же все куда более сложно. В жизни надо уметь ждать.

Три голоса продолжают орать. Это хорошо, может быть, кто-то психанет и уйдет. По крайней мере, до сих пор интуиция не подводила. Будем ждать.

Страшно болит раненое плечо.

– Сволочь, – процедил он сквозь зубы, вспомнив террориста, охраняющего вход и оказавшегося крепким парнем, сумевшим в драке зацепить ножом.

Не считая мелочи с плечом, операция шла нормально, его еще не засекли.

Но банду очень беспокоило неожиданное отключение электроэнергии.

Опытные террористы сразу же перешли на аварийное питание, но за выигранные минуты он успел вывести из строя систему видеоконтроля. Сейчас ни одна видеокамера внутри помещений не работала.

За дверью продолжали ругаться, и, наконец, один из споривших, видимо не желая участвовать в чем-то безнадежном, злобно крикнул:

– Хрен с тобой!!! Делай, как знаешь, но на меня не рассчитывай, понял?!!!

В сторону двери застучали каблуки крепких военных ботинок.

– Стоять!!! – заорали каблукам из глубины зала.

Шаги остановились возле двери, и человек вновь начал что-то доказывать напарнику.

Владимир вжался в стену.

В этот момент – он так и не понял, что с ним произошло – его вдруг внутренне встряхнуло.

Тело, потрепанное в двух последних рукопашных, неожиданно стало легким, свежим, а саднящая рана плеча, выжигающая кучу нервов, затянулась прямо на глазах.

В голове появилось чувство чужеродности происходящего, которое не вязалось с чем-то другим, хорошим, но неизвестным.

«Странно, – подумал он, – такое ощущение, что я здесь не был».

Чушь, он прекрасно помнил, всю операцию, как удачно проделал все, чтобы добраться до командного пункта военной базы, имеющей в своем распоряжении ядерные боеголовки.

«Никогда в богов или ангелов не верил, – к чему-то подумал он».

Вновь застучали каблуки, и бронированная дверь медленно поползла в сторону, увеличивая проем.

Из двери вышел высокий, сильный, спортивного вида человек. Он злобно сплюнул, громко выругался и поспешил прочь по тускло освещенному коридору.

Владимир, взяв его на прицел, напряженно ждал.

Человек, ни разу не оглянувшись, скрылся за поворотом, и он осторожно заглянул в зал.

В зале увидел двоих, один из которых что-то злобно кричал в микрофон. Динамики переговорного заискивающе отвечали, прося, нет – умоляя, дать еще немного времени на выполнение поставленных условий.

Террорист не уступал, требуя выполнить все незамедлительно. Он был занят разговором, и Владимир понял – пора.

Его появления не ожидали. Первая пуля досталась сидящему в кресле у стены и опешившему от неожиданности.

Террорист, получив пулю в голову, вскинул вверх руки и медленно, как бы нехотя, вывалился из кресла.

Второй, тот, что ругался по громкой, проявил исключительную реакцию – отскочил в сторону и метнулся за массивную стойку пульта, став недосягаемым для ворвавшегося в его «владения» спецназовца.

И тут. Вот черт. – Инстинктивно обернувшись назад, возле стены, которая не просматривалась из коридора, он увидел третьего, который судорожным движением пытался передернуть затвор автомата.

Владимир направил пистолет в его сторону и трижды нажал спуск. Пистолет послушно дернулся, и бандит, так и не успев привести оружие в боевое положение, схватился за живот и переломился пополам.

Это был тот случай в жизни, когда он не успевал.

Спрятавшийся за пультом успел опомниться и несколько раз выстрелил.

Удар в грудь!

Страшный удар!

Удар, силу которого можно было бы наверное сравнить с ударом чем-то тяжелым. Владимиру приходилось испытывать подобное раньше, но тогда рядом были друзья, которые помогли, вынесли, но сейчас... Сейчас он был один.

Что-то затрещало в груди, сбило дыхание, и он, не удержавшись на ногах, полетел в сторону. Туда, где были свалены в кучу тела убитых людей.

Террорист, поняв, что нападавший повержен, выбрался из-за укрытия, но, все еще опасаясь подойти ближе, прицелился издалека.

Боль обожгла бок, который не был прикрыт бронежилетом, огромной молнией пронеслась по телу, долетев до мозга, и Владимир понял, что это конец.

Бронежилет отразил еще одну смерть, и пистолет врага щелкнул пустым затвором.

Только после этого террорист подошел к неподвижному спецназовцу и, поняв, что тот больше не опасен, пнул ногой.

– Слабак, – самодовольно усмехнулся он и осмотрелся по сторонам.

Затем, что-то решив, он подбежал к двери, заблокировал ломом и закрыл замки.

Теперь бандит был в полной изоляции от внешнего мира, но его это уже не волновало, он решил на последнее.

Злобно рыча, он несколько минут стучал клавиатурой пульта. Затем главный монитор высветил пятиминутный отсчет времени.

Мозг горел огнем жаркого солнца. Вспышки болевого пламени, словно протуберанцы, перекликались с темнотой, и тут перед помутневшим сознанием появился образ, знакомый... или незнакомый... не понять.

Владимир удивился, ведь он знает его?!.. Видел!.. Где-то видел! Но где!?!..

– Вам не хватило шести секунд, – четко произнес образ и медленно растворился.

Сознание возвращалось в настоящее.

"Где я мог его видеть? Что это за шесть секунд? Откуда такое исчисление? Кто это был! Может это был бог или залечивший рану ангел?

Вопросы обжигали безответностью.

Огромным усилием Владимир перевернулся на живот и посмотрел в сторону пульта.

Бандит внимательно рассматривал какие-то бумаги.

«Пистолет! – застучало в висках. – Где пистолет?»

В руке он почувствовал что-то тяжелое.

Вот он! Удивительно, как это я его не выронил, когда падал?

Пистолет тяжел, невероятно тяжел.

"Какой дурак делает их такими неподъемными? – подумал он, напрягая последние силы.

Фигура попала в планку прицела и тут же выскочила обратно.

«Тверже руку», – отдал он себе мысленный приказ, вспомнив, как то же самое постоянно твердил инструктор во время тренировочных стрельб.

Цель вновь ушла от прицела.

«Черт... Нет, это рука никак не установится на нужном месте... Вот черт, ну-ка давай!»

Террорист оглянулся, и его лицо исказилось страхом. Оно на мгновение пересеклось с прицелом, и Владимир нажал курок.

Бандит, получив пулю в лицо, неестественно выгнулся и медленно, роняя стоявшие рядом стулья, повалился на пол.

Спецназовец перевел мутнеющий взгляд на пульт и увидел, как один из мониторов отсчитывает время, стремящееся к нулю.

– У, гад, – выдохнул он и направил пистолет в сторону пульта.

Он знал, что в обойме еще есть патроны, но сколько, хватит ли чтобы попасть?

Цифры с невероятной скоростью сменялись одна другой.

Выстрел, второй, третий, четвертый....

Пистолет щелкнул пустым затвором и Владимир понял, что не попал.

Но что это?

По пульта пронеслась молния, затем что-то звучно грохнуло, повалил ядовитый дым и на мониторе, отсчитывающем секунды, время замерло на цифре шесть.

– Ха! – изрёк спецназовец и потерял сознание.

Через мгновение монитор с цифрой шесть взорвался, как и другие, пополнив зал клубами ядовитого дыма.

Сердинар Вовт, заложив руки за спину, нервно ходил по кабинету из угла в угол. Он дожидался прихода Толичано и Сердио, чтобы услышать доклад о проходящей операции, впервые проводимой с участием человека из другого вектора. Он волновался, и то и дело поглядывал на настенные часы. До конца света, по старому варианту будущего, оставалось всего лишь несколько часов.

По старому варианту война уже бушует в векторе "С" и ее воздействие вот-вот должно будет сказаться на жизни остальных миров.

В дверь вежливо постучали.

– Войдите! – откликнулся на стук глава архидропага.

На пороге появились приглашенные.

– Ну как? Как идет операция? – тревожно смотрел он на их спокойные лица.

Толичано и Сердио весело переглянулись:

– Операция прошла удачно.

– Расскажите, расскажите мне, что там было?! – засуетился глава Архидропага и жестом пригласил их присесть.

– Иванков оправдал наши надежды и смог остановить начало ядерной войны. Поначалу мы думали, что он вновь не сможет, так как ошиблись при переброске на восемь минут.

– Ошиблись? Как вы могли?!

– К сожалению, очень трудно рассчитать время вектодесанта в свое «я», и этот случай не был исключением. – Сердио, словно ища поддержки, глянул на молчаливого Толичано и продолжил: – Мы проводили расчеты на тот момент, когда он, уже раненый лежал в пультовом зале, но первая рана сбила расчет вектокомпьютеров, и он попал на некоторое время раньше, то есть не в зал, а в коридор.

– Так, так, – проговорил Сердинар Вовт, внимательно слушая доклад. – И что же произошло дальше?

– Да в общем-то ничего страшного. Он оказался молодцом и смог выпутаться из труднейшего положения, в которое мы его поставили.

– Он погиб?

– Нет. Точнее пока не знаем. Вектор «С» сейчас вне нашей досягаемости. Но когда мы переносились в шестисекундный разрыв, он еще подавал признаки жизни. К сожалению, мы ничем не могли ему помочь. Второй переброски он уже не перенес бы. Было принято решение разблокировать дверь, потушить начинающийся пожар и оповестить командование, что база очищена от террористов, а он еще жив. Спасение героя пришлось предоставить жителям его вектора.

– Так он жив или нет? – повторил свой вопрос Сердинар Вовт.

– Не знаем, но при следующем вектодесанте обязательно выясним. Я обещаю. Одно мы знаем точно – он выиграл бой.

Сердинар Вовт поднялся с места.

– Завидую я вам, ребята. У вас появился настоящий друг. Я бы тоже хотел иметь такого, пусть даже в другом векторе.

Сознание возвращалось медленно, заполняясь волнами нарастающей боли, появившейся в глубине тела вслед за уходящей темнотой беспамятства. Казалось, что оно не хочет возвращаться в израненное тело, чтобы как следует отдохнуть ото всего, что заполняло его все предыдущие годы.

– Где я? – появилась первая мысль, и он вспомнил, что с ним произошло.

Владимир попытался шевельнуться, но острая боль проколола все сверху донизу, и он замер в ожидании ее ослабления.

– Смотрите! Он пришел в себя! – закричал чей-то знакомый голос.

– Володя! Как ты себя чувствуешь? – озабоченно спросил другой человек, тут же подбежавший к кровати.

«Не понял, – подумал Владимир. – Кажется, со мной это уже было».

Перед глазами возникло расплывчатое лицо.

«Все как сон», – засомневался он.

«Толичано», – вспомнил он имя и напряг зрение.

Нет, это был не Толичано. На него смотрело встревоженное лицо полковника Старостина.

Начиналось выздоровление.